

О Шолохове немало написано шолохововедами и антишолохововедами, а некоторые из последних печатали такую ересь, что «на воз не покладёшь». Я никакой не литератор, но мне посчастливилось не только видеть этого человека, а и встречаться с ним, в последние годы даже играть «на одну руку» в карты

Двенадцатилетним мальчишкой я впервые прочитал шолоховские строчки, смысл которых запомнил и отложил в детской памяти, но мне не забыть и отзывы своих земляков-хуторян. Наш сосед – Григорий Карпович Кривошлыков, добрейшей души человек, неугомонный труженик, попросил моих родителей, чтобы я «помог колхозу». Оказалось, что невдалеке от дома силами стариков и старушек вручную была вырыта силосная яма, куда на подводах подвозили свежескошенную траву, её чуть-чуть пересыпали солью, а трамбовать земляную массу на старой кляче Григорий Карпович поручил мне, предварительно спустив лошадь в эту яму. В перерывах (пока привезут очередную порцию зелёной массы) я читал «районку» – «Большевицкий Дон», где печатались отрывки из «Поднятой целины» Шолохова. Слушали все внимательно, а по окончании чтения – «галдёж», говорили, перебивая друг друга.

– До чего, чертяка, правду режет о нашей жизни, и все гутарят по-нашему, вот уж башковитый казак.

Однажды в конце работы я спросил Григория Карповича:

– Деда, а Шолохов большой человек?

– Нет, Ваня, человек он среднего роста, а вот умом – талант, приедет к нам на поля, бог даст, увидишь.

Правда, в детские и юношеские годы я Шолохова не видел. Но...

Удивительна, даже непредсказуема наша жизнь. Разве я, простой деревенский мальчишка, выросший в бедной крестьянской семье (нас в семье было пятеро: отец-конюх, мать-домо-

хозяйка), мог подумать, что не только увижу Шолохова, но по воле судьбы мне придётся общаться с семьей писателя, с его родственниками, встречать и провожать многочисленных гостей Михаила Александровича. Но так было.

После окончания средней школы в Вёшенской мы с женой по комсомольской путевке стали работать в сельском магазине родного хутора Андроповского (это в 20 км от станицы), одновременно учились заочно. Через некоторое время мне предложили возглавить коопунивермаграйпо. Но я стал отказываться, ссылаясь на возраст (мне не было и 30 лет). Коллектив раймага большой, треть оборота райпо – вот мои доводы. Должность директора в те времена была «номенклатурной», и с моими доводами не согласились. Круг обязанностей директора широк: шло строительство нового здания универсама, дефицит площадей, товарной массы, встречи с руководителями всех уровней по обслуживанию (школ, больниц, соцсферы и т. д.), особо остро стоял вопрос кадров, внедрялись самообслуживание и кассовые аппараты.

Станица Вёшенская сравнительно небольшая – десять тысяч человек, руководитель раймага «просвечивается» со всех сторон. Как в калейдоскопе, мелькали непростые рабочие дни – расслабиться некогда. Но на всю жизнь я запомнил майское утро конце 60-х – впоследствии, оказалось, что оно в корне изменит мою судьбу.

В кабинете – тишина, только что закончилась рабочая планёрка, предстоял тяжёлый, напряжённый день. Мои раздумья прервала продолжительная трель междугородки. Приветливый голос телефонистки просил ответить квартире М. А. Шолохова. В трубке знакомый голос секретаря-помощника писателя Андрея Афанасьевича Зимовнова, который просил зайти к писателю.

И вот знакомая калитка, вхожу во двор. За спиной, справа, миролюбиво грелись возле искусственного бассейна утки и гуси, чистили перья. Невдалеке, в другом «вольере» перелопачивали насыпанные «озатки» (отходы зерна) куры разных пород, там же гомонили важные индейки, а в конце сараев пережёвывала жвачку упитанная корова.

Слева – вспаханный под картофель участок (соток 25), рядом ровные ряды грядок уже поднявшейся зелени. В глубине двора сад, обнесённый крашенным штакетником, одиноко, как

часовой, стоял навес для сушки будущих плодов, здесь же и печка.

В сопровождении секретаря поднимаюсь к писателю на веранду. Михаил Александрович, поздоровавшись, указал на стоявшее рядом кресло из лозы.

– Ну, андроповский казак, расскажи, какие виды на урожай, как озимые, яровые? Много ли твои земляки посеяли пропашных? – по-свойски, по-будничному задавал он вопросы. В этих вопросах я был как рыба в воде; брат жены работал управляющим отделения совхоза, и положение дел я знал хорошо. Коротко обрисовал полеводство отделения, по лицу писателя было видно, он остался доволен, не перебивал, а только вставлял уточняющие вопросы. К нам подошла Мария Петровна. Шолохов сказал:

– Вот Мария Петровна хочет что-то решить по обуви детям, пройди с ней.

Вскоре я возвратился к себе и был в недоумении: писатель не задал ни одного вопроса по работе раймага – его интересовала хлебная нива. При последующих встречах Михаил Александрович всегда начинал разговор с хлеба, и такое трепетное отношение к нему было понятно.

Сам писатель вырос на традициях казачества, где культ хлеба был непререкаемым, Боже упаси, чтобы хлеб выбросить! У казаков это немыслимо! Они собирают крошки со стола – и в рот.

Сохранение хлеба – по Шолохову – это величайшая культура. Писатель вспоминал, когда они с Хрущёвым были на сессии Генеральной ассамблеи ООН, один американский сенатор пригласил в буфет. Сенатор сносно говорил по-русски. После трапезы (выпили по рюмочке коньяка, закусили бутербродом) у сенатора остался кусочек хлеба, и он его завернул в салфетку, положив в карман дорогого костюма, но не выбросил.

Михаил Александрович рассказывал об отношении к хлебу в скандинавских странах, в Японии, об умении преподнести его покупателю, но в конце добавил:

– И упаковка, и вид хлеба хороши, но в нём нет духа, как в нашем донском хлебе.

Помнятся в шолоховском доме сшитые бязевые сумочки, где хранились поджаренные до красноты ржаные сухарики, что подавали к наваристому из говядины борщу. Бабка Нюра, повар Антонина Антоновна Долгова, выпекала из ржаной муки хлеб и сушилав печи, эта русская печь сохранилась в доме-музее

писателя. Выпекался хлеб только на хлебных дрожжах, хмель рос на изгороди усадьбы. Аромат борщу придавали ржаные сухарики – аромат необыкновенный. Сам Михаил Александрович любил крошить ржаные сухарики в бульон, который варили из рубца овцы.

Почему я пишу подробно об этом, потому что о литературной деятельности писателя написаны тома, а вот о его быте, о его семье, о его увлечениях (кроме рыбалки и охоты) известно мало, но житейские факты характеризуют его как человека строгих казачьих традиций. Он был не только знаком с этими традициями, но и тщательно их соблюдал.

В ста метрах от усадьбы писателя – храм. Все знают, что церковь не разгромили только потому, что вмещался Шолохов. Сам Шолохов не ходил в церковь, но обычаи соблюдал. Куда бы ни поехал писатель (охота, рыбалка, тем более длительная дорога), при проводах все по – крестьянскому обычаю садились – молчали минутку, и когда хозяин говорил: «С Богом!», все направлялись к выходу. Хотя Михаил Александрович не крестился перед обедом, но посты (первую и последнюю неделю) тщательно соблюдал. Понедельник, среда, пятница – обязательно рыбные блюда и любимый взвар (компот, фрукты сушили сами, в том числе вишню, малину).

С первых встреч в семейном кругу я понял, что в семье Шолоховых установился старинный казачий уклад. Никакого излишества во всём, простота, скромность, хлебосольность да и пища традиционно казачья.

Кто отведал приготовленную лапшу из русской печи с цыплёнком, или душистые пропитанные каймаком оладьи («пампушки») с наваристым взваром, с вишнёвым листом, или попробовал знаменитые пирожки с картошкой, сдобренные «шкварками» (топлёный внутренний жир, перекрученный в мясорубке), тот навсегда останется поклонником казачьей кухни, не говоря уже о донской ухе из стерляди. Все это готовилось только в русской печи, а дрова должны быть из плодовых деревьев (яблоня, груша, боярышник).

Дон всегда славился сильными семейными традициями, эталоном в станице Вёшенской была семья Шолохова. Надо заметить, что она – интернациональная, многодетная, по нынешним временам. Муж старшей дочери (Светлана Михайловна, которая сейчас живёт одна в двухкомнатной квартире, ей 91-й год, почти еженедельно встречаемся за чашкой чая) Александр

Максимович Турков служил на флоте (беспризорник – воспитала тётя), прошёл все ступени роста от простого юнга до контр-адмирала и скончался в г. Ленинграде. К сожалению, по болезни умер их единственный сын Миша, с бабушкой часто общается сын Миши – внук Светланы Михайловны.

Жена старшего сына – Александра Михайловича – Виолетта Антоновна Югова (девичья фамилия) по национальности болгарка (дочь Югова – предсовмина Болгарии). Познакомился с ней Саша в Темирязевке, где вместе учились и полюбили друг друга. В те времена браки с иностранцами запрещались, они вынуждены были обратиться к самому Сталину за разрешением. Так и поженились, работали в Ялте – в Ботаническом саду, оба кандидаты сельхознаук, жили в ведомственной квартире на втором этаже деревянного дома. Они воспитали трёх дочерей: Машу, Нину и Таню. К сожалению, Александр Михайлович умер в возрасте 62-х лет, через несколько лет скончалась в Москве и Виолетта Антоновна, которая ещё раньше похоронила свою старшую дочь.

Нина и Таня ежегодно бывают в Вёшенской, не забывают свою родословную.

Вторая сноха Шолоховых – Валентина Измайловна – родом из Дагестана, жила в Махачкале. С Михаилом Михайловичем они познакомились в университете, поженились. Воспитали единственного сына – Александра, который работает директором Вёшенского музея-заповедника им. М. А. Шолохова. У него свой дом, человек он уважаемый, ведёт большую работу по изучению наследия деда и по воспитанию молодёжи. Сам Михаил Михайлович не дожил до 80 лет, похоронен, как и все Шолоховы, на гражданском кладбище в станице Вёшенской. Валентина Измайловна (Ляля – так её звали в семье) живёт в собственном доме.

Младшая сестра Мария Михайловна (с ней я учился в старших классах средней школы) родила сына Андрея и дочь Машутку, живёт в Москве – на Большой Филёвской улице.

Всем детям оказывалось одинаковое родительское внимание. Они получили высшее образование, студентами жили в общежитиях. На работу поехали по распределению. Только младшая дочь – Мария Михайловна – осталась в Москве, когда вышла замуж.

Можно по-разному относиться к советского периоду, но факты подтверждают, что все Шолоховы привилегиями не пользовались, богатеями не слыли. Оба сына Шолохова купили ав-

томашины с выходом на пенсию, все дети жили на виду своих соседей. Никто не имел дач, в отпуск ехали в отчий дом, вместе с отцом уезжали на рыбалку на реку Хопёр, где и охотились, жили в палатках.

Все Шолоховы – большие любители донской природы, не говоря о старших Шолоховых, которые почти не ездили на курорты в шумные места, а предпочитали Дон, Предуралье, казахстанские степи, там, среди озёр, они были в родной стихии.

Нельзя не сказать о Марии Петровне Шолоховой – удивительной, обаятельной женщине. В семье Шолоховых в бытовых вопросах царил матриархат, сказывалась природная мудрость, смекалка этой хозяйственной женщины. В ключевых вопросах – патриархат, решающее слово за «отцом», как говорили в семье.

Мария Петровна посвятила любимому мужу всю свою жизнь: она делила с ним нужду в 20-е годы, когда он приехал в Москву, брался за разную работу и упорно, настойчиво занимался самообразованием, посещал кружки, много писал и «бегал по редакциям». Мария Петровна всячески ему помогала, а когда приобрели пишущую машинку – печатала написанное. На её плечи легла тяжёлая забота по воспитанию детей: два сына и две дочери – немалая семья. А там – военные годы, эвакуация, снова трудности быта.

На своём 80-летнем юбилее (1983 г.) в кругу близких и приглашённых она откровенно поделилась:

– Многие мне завидуют, что я прожила в материальном достатке (хотя и нам досталось в голодные годы), но, поверьте, как сложно жить с писателем, ведь он без меня никуда, и на рыбалку и на охоту только вместе (надо сказать, что стреляла Мария Петровна отменно – И. Г.).

Мне-то по-бабски хотелось бы поговорить с сёстрами, братом, но, увы, ...такой возможности не было, я всегда рядом с мужем.

А в 30-е годы уедет в Москву, я ночами не сплю, жду звонка, ведь знаю, что он там ни перед кем не станет на колени, будет защищать правду, а времена были сложные. Вскоре война – ему обязательно надо быть на передовой, увидеть всё своими глазами, познать правду войны... И так всю жизнь.

Он любил порядок Подъём в четыре утра, после чаепития – газеты или писал до шести утра, лёгкий отдых, до восьми – завтрак, работа – до часу. Обед и отдых до 17, затем снова чаепитие, а там отдых. Режим был строгий. А какая почта – до 50-60 писем в день!

О взаимоотношениях Марии Петровны и Михаила Александровича написано много, меня удивляло одно: они всегда были рядом, никогда «не надоедали» друг другу, наоборот, Михаил Александрович без Марии Петровны чувствовал себя не в своей тарелке. А Мария Петровна всё делала, чтобы «отец» (как ласково она его называла), был всем доволен. Однажды мы с Н. Ф. Каргиным не были дня четыре у Шолоховых и вечером получили от Марии Петровны нагоняй, она с упреком сказала:

- Отец беспокоится, хоть бы позвонили.
- Исправимся. – был дружный ответ.

Как-то вызывает в конце рабочего дня первый секретарь Н. А. Булавин, человек строгий, но справедливый, профессионал высочайшего класса – до мозгов сельхозник. Сразу, без дипломатии, в лоб:

- Вы там, на квартире, не болтаете лишнего о районных делах? Отвечаю:

– Николай Александрович, за карточным столом всегда помощник Михаил Власович – он в курсе всех разговоров. Лично я бываю потому, что наша информация приносит удовлетворение Михаилу Александровичу, он забывается от болезни, светлеет душой... Потом он сам часто выезжает с помощником по району и видит плюсы и минусы в хозяйствах.

– Думал сократить ваши визиты, но продолжайте встречаться, – это на пользу Михаилу Александровичу, – заметил Булавин.

Семейную, спокойную обстановку, конечно, создавала Мария Петровна, и Михаил Александрович это чувствовал, знал, ценил и любил её за все хлопоты. Перед смертью, а умирал в полной памяти, он положил свою остывающую руку на руки Марии Петровны, будто прощаясь с любимой женщиной, в знак благодарности за прожитую жизнь.

Семья Шолоховых и в советское, и в постсоветское время пережила столько, что и врагу не пожелаешь. Удивляли сплетни, слухи...

Помню, как зашёл к начальнику главка Г. А. Калязину с резолюцией председателя Центросоюза В. Ф. Ермакова об оказании помощи Вёшенскому району по просьбе депутата Верховного Совета СССР. Отложив письмо, он стал задавать вопросы: зачем для одного самолёта Шолохова в станице Вёшенской строят аэродром? где подземные гаражи писателя?..

Пришлось объяснить, что писатель имеет две автомашины – Волга-24 и ГАЗ-69, на которой отправляется на рыбалку, охоту и объезжает поля во время уборки урожая.

Самолёт ему не нужен, когда надо, он заказывает рейс. Я рассказал, как мне приходилось сопровождать Шолохова, когда он вылетал на лечение в Москву. Обычно это решается так. В «районке» сообщается дата дополнительного рейса Вёшенская – Москва, продаются билеты всем желающим. Привёл интересную деталь: когда пролетали Воронеж, сопровождающий врач-хирург Г. Н. Журавлёв, замерив давление, сказал, что всё в норме, можно попить чаю. Стюардесса принесла несколько стаканов и попросила автограф на книге.

– Кому? – спросил Михаил Александрович.

– Света Могильная, – ответила девушка.

Улыбнувшись, писатель написал: «С. Могильной. С пожеланием быстрее сменить фамилию. С уважением, М. Шолохов».

Выслушав, хозяин кабинета снова задал вопрос:

– А зачем охрана в доме писателя?

Какая осведомленность!

– Охрана есть, – говорю. – Дело в том, что в 1980 году одна душевнобольная женщина в августовскую ночь проникла в дом.

В полночь Шолохов, как чуткий охотник, услышал шаги постороннего человека. Милиционер-охранник, а в ночное время был дежурный, прошёл все комнаты, никого не нашёл. Но через час снова тревога – в доме есть посторонний!..

Нашли несчастную в подвале среди ящиков с продуктами. Случай пошёл по верхним инстанциям: областная власть решила сделать усадьбу М. А. Шолохова охраняемым объектом вопреки возражениям писателя.

Не знаю, что побудило Калязина вызвать секретаршу и попросить два стакана чаю, но наша беседа дальше была уже теплее и дружелюбнее. Он попросил рассказать, как прошло 75-летие со дня рождения писателя.

Присутствовало 75 человек – руководство СП СССР во главе с Георгием Марковым, руководители соседних краёв и областей. Меню согласовывали с Михаилом Александровичем и Марией Петровой, сервировка стола – за мной. Накануне докладываю о готовности большого зала (там 75 мест). Предлагаю налить в графины квас с мёдом и хреном – образец я привёз. Мария Петровна возражает, есть минеральная вода, компот, но Шолохов говорит:

– Поставьте на каждый стол по графину.

К нашему удивлению, мы не успевали менять графины с квасом – гостям понравилась новинка, за что я получил благодарность при подведении итогов работы.

Праздничный обед проходил четыре часа – каждому выступающему минут семь на поздравление. Гости разъехались, но наша работа продолжилась.

Теперь надо обслуживать уже обслуживающий персонал – таков закон в доме. Только убедившись, что всё сделано, Михаил Александрович на коляске поднимается отдыхать.

Мне приходилось организовывать и проводить дни рождения и детям, и Марии Петровне; замечу, что приглашённые приходили без всяких подарков – только с цветами, все расходы семья брала на себя, таково правило, даже делегации, а их хватало, обслуживали за счёт писателя, не говоря уж об одиночных приглашённых. Хлебосольные хозяева всегда были рады гостям.

Писатель никогда не говорил среди знакомых о литературе, никого не поучал. Однажды мы сидели за столом – ждали Марию Петровну. Невыдержанный, суетливый, темпераментный партнер по картам Н. Ф. Каргин, председатель рыбколхоза, вынул пачку папирос, Шолохов пододвинул пепельницу, разрешая закурить здесь, на втором этаже. Через несколько минут остановился лифт – Мария Петровна села в своё кресло, недовольно обронила: накурили, хоть коромысло вешай.

Пока я тасовал колоду карт, Михаил Александрович заговорил:

– Кажется, в начале декабря 41-го года меня, Фадеева и Полевого вызвали в Москву. На самолёте быстро долетели, приземлились и на машине добрались до гостиницы «Националь». Условились – собираемся поужинать у меня в номере. На правах хозяина стал готовиться к приёму гостей. И вдруг продолжительная трель звонка. Поднимаю трубку: «Шолохов слушает».

«Товарищ Шолохов, с вами будет говорить товарищ Сталин». Шорох – и слышу хрипловатый голос:

– Товарищ Шолохов, здравствуй. Если можете, приезжайте. За Вами пошла машина.

Растерявшись, с волнением спрашиваю:

– Товарищ Сталин, какой номер машины?

– Не беспокойтесь, вас найдут – выходите к подъезду.

Через несколько минут я вышел к парадному подъезду, на встречу полковник:

– Шолохов! Садитесь, устраивайтесь поудобнее.

Ехали не менее часа – это был КП Верховного Главнокомандующего.

Сопровождающий долго вёл меня по коридорам, открыв дверь, пропустил в комнату. Я не различал лица людей. Здесь стоял дым коромыслом, только слышал разговор Сталина с командующими фронтами.

– Не соединяйте... Чаю, – сиплый голос Сталина, и сразу – к главному. – Война, товарищ Шолохов, будет нами выиграна, это показала битва за Москву. Сделан первый, но важный шаг. Но войну надо выиграть с наименьшими потерями для нашего народа, надо написать, чтобы ещё больше вызвать ненависть к фашизму не только у солдат, но и стариков, старушек и детей. Вы должны это сделать, и подумайте о большом полотне о войне. К сожалению, у нас нет времени поговорить об этом подробно – время напряжённое... Желаю успеха.

Вскоре появился рассказ «Наука ненависти», его читали солдаты в окопах и люди в тылу, вероятно, в те годы родилась идея написать роман о войне.

Немало сказано о взаимоотношениях Сталина и Шолохова. Бесспорно, это были два незаурядных человека. По многим вопросам они расходились, каждый имел своё собственное мнение. Взять хотя бы переписку писателя и Генсека по вопросу коллективизации, хлебозаготовок в начале 30-х годов, да и защита «врагов народа» – руководителей северных районов области, в кабинете у Сталина – всё это говорит об одном: не такие уж были безоблачные взаимоотношения двух ярких личностей XX века.

Но когда Н. С. Хрущёв сделал доклад о культе личности Сталина, писатель проронит слова:

– Да, культ – был, но была и личность.

Он не побоялся покритиковать Хрущёва за события в Новочеркасске в 1962 г., когда на Пленуме в Ростове сказал, что необдуманное повышение цен на продукты питания и привело к новочеркасскими событиями и, в первую очередь, виновен Н. С. Хрущёв, который не посоветовался с членами ЦК и принял единоличное решение.

Шолохова любили за правду. Писатель критиковал министров – Фурцеву, Зверева – на съездах партии, критиковал своих коллег по перу за серые произведения, он принципиально судил о работе чиновника любого ранга.

Особенно щепетильно относился Шолохов к близким и знакомым. В доме часто можно было видеть семью Борщёвых:

Валентина Ивановна, медсестра, делала по назначению врача уколы Михаилу Александровичу, иногда дежурила у постели больного. Её муж, Иван Николаевич, учился с детьми писателя, часто ездил на охоту вместе с Шолоховым, его детей крестили дети писателя. Долго работал в отделе внутренних дел, с выходом на пенсию был рыбинспектором. Ему выделили участок под строительство дома, на этом участке росли три сосны из госфонда, а он их тайком спилил. Разразился скандал, приехала авторитетная комиссия.

Валентина Ивановна попросила писателя помочь, но получила отказ:

– Сажал сосны твой муж? – спросил Шолохов.

– Нет.

– Так пусть и отвечает по закону.

Дело кончилось крупным штрафом, но уголовного преследования не было.

Многие жители станицы и хуторов были благодарны писателю-депутату: одним помог со стройматериалами, других защитил от незаслуженного наказания, третьим похлопотал за жилье и т. д. У Шолохова был природный дар – помочь человеку.

На 75-летие Шолохова от Л. И. Брежнева пришёл подарок – золотые часы с дарственной подписью. Рассматривая подарок в нашем присутствии, писатель сказал:

– Спасибо, не забыл. Жаль, что ему сделали операцию, очень жаль.

Мы (секретарь-помощник, секретарь райкома Н. А. Булавин) переглянулись – ведь сообщения об операции не было. Шолохов добавил, видя наше недоумение:

– Операция груди – награды некуда вешать.

Здесь весь Шолохов, этим сказано всё.

Как члену ЦК партии ему спецсвязью доставили пакет («секретное» письмо). Кратко описывались события в Польше, перечислялись действия, которые предпринимало Политбюро, намечались конкретные меры оказания помощи. Шолохов должен был дать ответ, но писатель прикован к постели: высокая температура, озноб, частое сердцебиение, высокое давление. Семья, лечащий врач настаивают на госпитализации, но Михаил Александрович категорически против.

Ответ на письмо готовит Михаил Власович Коньшин – секретарь-помощник и секретарь райкома. Текст получился в один абзац – 10-12 строчек.

Писателю стало чуть полегче: восстановилась речь, спала температура, он попросил чаю. Принесли ответ. Прочитав первые строчки, поняли: не в шолоховском стиле. Лицо Шолохова стало строгим, вена на высоком лбу расширилась, запульсировала, писатель тихо проговорил:

– Где тонко – там и рвётся. Согласен на любые виды помощи.

В двух предложениях весь ответ.

В народе говорят – политика – грязное дело. Наверное, это так. В памяти 1975 год – 70-летие Шолохова. Старшее поколение помнит – какая была подготовка!

Поговаривали, что на юбилей приедет премьер страны А. Н. Косыгин, труд писателя будет отмечен по достоинству. О том, что Шолохов и Косыгин были в дружеских отношениях, все знали, да и дочь Людмила Алексеевна с мужем часто отдыхали у Шолоховых, поэтому такая версия не исключалась.

Вдруг, ближе к юбилейной дате, писатель срочно выехал в Москву, а вскоре пришло печальное известие – Шолохов в больнице – инсульт. В круглосуточном режиме работала почта – корреспонденции шли со всех уголков СССР и зарубежья. Телефон не смолкал. Так продолжалось полмесяца, пока не стало известно: речь Шолохова восстановилась, он с помощью тросточки начинает ходить по палате. Вскоре писатель вернулся домой, но врачи предписали строгий режим.

Теперь уже не секрет, что в 1980 году только под напором общественности М. А. Шолохову вручат вторую «Золотую Звезду» Героя Соцтруда с установкой бюста в станице Вёшенской.

Писателю сообщили, что изготовить бюст поручено скульптору В. П. Новикову и архитектору А. П. Климову. Мы с Н. А. Булавиным выехали в Москву, чтобы встретиться с ними. Побывали в мастерской скульптора. Поразили её убогость, мастерская располагалась в тесном полуподвальном помещении, и большая загруженность этих талантливых людей.

Скульптор и архитектор приступили к работе и выполнили её в срок, на что ушёл ровно год. И вот эскиз в станице Вёшенской

Вечером во главе с секретарем обкома партии М. Е. Тесля собрались в доме писателя. По выражению лица Шолохова заметно, что работой он доволен. Теперь надо уточнить некоторые детали, в частности, Н. Ф. Каргин и М. В. Мельникова (лечащий врач писателя) высказали мнение, чтобы бюст был

установлен лицом в сторону станицы, но решено: бюст должен был развёрнут к Дону – вся жизнь Шолохова – это служение родному донскому краю. Жаркий спор разгорелся вокруг обыкновенной верхней пуговицы гимнастёрки.

– Михаил Александрович, я просмотрел все фотографии, два раза прочитал ваши произведения. Вы в гимнастёрке с расстёгнутой верхней пуговицей, как поступить? – сказал скульптор.

– Оставить в оригинале – сказал М. Е. Тесля, все поддержали секретаря обкома.

После чаепития писатель вдруг сказал:

– За работу спасибо, но пуговицу – застегни.

Меня поражало одно – несмотря на преклонные годы, тяжелейшую болезнь, несмотря на строжайшие запреты врачей, Шолохов продолжал вести активную общественную работу. А сколько делегаций, встреч было у писателя! Всегда сердечные приёмы, душевные беседы, как будто и не было болезни, но мы-то понимали, как это непросто для Михаила Александровича.

Помнится встреча с норвежцем Гейра Хьетсо. Гость высказал предположение о зависти собратьев по перу. Шолохов ответил:

– Зависть? Но организованная...

Наверное, в основе этой зависти была политика и негибемый характер Шолохова – он никому не кланялся, писал и говорил то, что считал нужным. О своём раннем творчестве как-то проговорил:

– Тогда правда ломилась в глаза.

Сейчас порой пишут о том, что якобы Шолохов негативно относился в Советской власти. Да, писатель критиковал безхозяйственность, безразличие, резко выступал против нарушений законности в стране – прочитайте его переписку со Сталиным. Однако человек, рождённый в ту эпоху, отдавший всю свою жизнь ради народа, страны – не мог быть противником строя, да об этом говорят многие факты.

Неординарность Шолохова проявлялась во всём: даже в быту, в повседневной жизни он жил заботой о людях.

Конец октября 1982 года, писатель в Москве – на лечении с Марией Петровной. По их просьбе выезжаем в Москву с Коньшиным, останавливаемся на квартире младшей дочери писателя на Малой Филёвской улице. Утром со Светланой Михайловной едем в больницу, входим в палату: Шолоховы вдвоём, о чём-то беседуют.

Радостная встреча. Рассказываем о вёшенской погоде, о трудностях в пути. От Воронежа до Москвы был ураганный ветер, местами дождь со снегом, в Липецкой области повалило телефонные столбы, на фермах посрывало крыши – стихийное бедствие.

Выслушав, Михаил Александрович тихим голосом сказал:

– Приедете домой, позвоните, как ликвидированы последствия стихии: накрыты ли фермы? Восстановлена ли связь?

Время бежит незаметно: два раза медсестра заглядывала в палату, подошло время процедур. Прощаясь, Михаил Александрович сказал:

– Вам выпишут пропуск на парад, побывайте и расскажете на обеде, меня отпускают на двое суток.

К сожалению, 7 ноября 1982 года был последний семейный обед писателя среди своих близких. За обедом никакого уныния, хотя видно, что больной угасает – почти не ел, много курил.

Мы поделились своими впечатлениями о параде. Атмосфера праздника чувствовалась во всём, и особенно, во взаимоотношениях людей, как будто это одна семья, никаких бытовых проблем, весёлые светлые лица москвичей, гостей. И, если бы мне сказали, что через десять лет рухнет всё это – я бы не поверил.

Непредсказуем Шолохов был даже в поездках по району – обычно всегда в неделю хотя бы раз выезжал во время уборки урожая. Однажды мне довелось сопровождать его с помощником-секретарём. Как правило, он ездил по правобережью Дона на поля совхоза «Тихий Дон» и на родину в х. Кружилинский. Подъезжал к комбайну – все узнавали машину Шолохова, сразу глушили агрегат и окружали его. Доброжелательно писатель расспрашивал об урожае, о заработках, интересовался бытом механизаторов. Слушал рассказы людей о культурном досуге после работы, о личных подсобных хозяйствах. Такие поездки были физически для писателя трудными, но морально он был доволен, да и забывал о болезни.

Закрывая дверцу автомашины, Михаил Александрович вдруг увидел обыкновенный бутовый камень, попросил его принести. Камень, пролежавший десятки лет на солнце, с углублениями-ямками от влаги, таил в себе некую таинственную мощь – не сдался на милость природы.

– Заверните в газету, возьмём домой – предложил Шолохов.

– Зачем он нужен, будет под ногами валяться, – ворчал водитель Сергей Дмитриевич Колмыков. Но уже решение принято. Вскоре вернулись домой. Мария Петровна с беспокойством

ждала возвращения и, видя приподнятое настроение Михаила Александровича, поняла, что поездка удалась.

Посадили писателя в коляску, но он тут же попросил камень:

– Смотри, Мария Петровна, пролежал бедняга десяток лет, как его разделала природа, а он не сдался, целёхонек, хоть и раненый.

Они уединились и долго о чем-то говорили, он показывал на уникальный природный камень, так его заинтересовавший.

К великому горю всей семьи, родственников, близких, знакомых, было видно, как болезнь цепко держала крепкий организм писателя – и прогрессировала: стало меньше встреч, аппетита нет, временами поднималось давление и температура. Врачи настояли на госпитализации, снова писатель улетел в Москву. А вскоре выяснилось, что лечение не помогает. Михаил Александрович сказал лечащему врачу: «Решил ехать домой».

Узнав о временн прибытия лайнера ЯК-40 рейса Москва–Вёшенская своего земляка вышли встречать многочисленные толпы людей родной станицы, приехали люди из хуторов района, ибо догадывались, что это последняя встреча с любимым писателем.

Вдоль дороги нарядные люди с букетами цветов приветствовали близкого человека. Погожий, даже жаркий день бабьего лета, стекло автомашины опушено до отказа, еле заметный взмах слабой руки... Через каждые 80-100 метров машина останавливается, Михаил Александрович делает попытку закурить, зажигает спичку (зажигалка на панели автомашины) и смотрит на зеленеющие стволы соснового бора, смотрит на пожухлую осеннюю траву и, конечно, на лица встречающих, как бы показывая, что он рядом с милыми людьми и сердцем и душой, но не в его силах выйти, как раньше, и поговорить о жизни с земляками.

Частые остановки подтвердили переживания Михаила Александровича: возможно, его интересовал красивейший пейзаж родного края, а может, он вспоминал своё раннее полугодовое детство, безотцовщину, тяжелейшие годы гражданской войны, сложные, до драматизма, годы коллективизации, а может быть, думал о своём тернистом пути, который вынес его на вершину славы не только донского края, а огромной страны, мировой славы.

Всем было ясно одно, что Шолохов последний раз едет по милой донской, родной земле, политой «нержавеющей казачьей кровью».

А вот и родной дом-усадьба. На второй этаж дома не пробиться: кругом близкие люди, слышу голос Коньшина:

– Иван Петрович, подойдите к Михаилу Александровичу.

Спешу, расталкивая людей, и вижу добрый отречённый взгляд, бледное исхудавшее лицо, заострённый от болезни нос с горбинкой, глубоко сидящие, но добрые, приветливые голубые глаза. Михаил Александрович сказал:

– Нас сопровождали медики, их четверо – отблагодарите людей. Реши вопрос с помощником и Марией Петровной.

И в этом весь Шолохов – в тяжелейшие минуты он не забывает о людях.

Это была последняя просьба писателя и наша последняя встреча, хотя, как и раньше, вечером пили чай, говорили о текущих делах, но всех интересовало одно – здоровье писателя. Только о каком здоровье можно говорить, если он в первую неделю дома съедал за день сначала одну котлету, затем полкотлеты, затем четверть котлеты... Это были страшные дни.

21 февраля 1984 года – предутренний телефонный звонок междугородки, в трубке взволнованный, дрожащий голос:

– Иван Петрович, это я – Коньшин.

И я сразу понял: всё – перестало биться сердце Шолохова.

... В один из сентябрьских дней, когда чувствовался запах пожухлой травы и застоявшейся воды в озере Мигулянка, я с букетом цветов пришёл на могилу Шолохова.

На скамеечке возле трёх берёз, к удивлению, незнакомые люди, по одежде видно – приезжие. Разговорились. Один из мужчин стал эмоционально рассказывать о том, как Михаил Александрович принял участие в его судьбе:

– Ведь я уголовником был. В третий раз меня осудили на 12 лет – приписали то, чего вообще не было. По совету сокамерников написал Шолохову, сумели письмо передать. И объявили новое расследование – вскоре я вышел на свободу. С прошлым завязал. В городе Братске встретил свою любовь, вот она рядом со мной, родили детей, теперь приехали на Тихий Дон, чтобы поклониться праху великого Человека.

Долго мы стояли на усадьбе Шолохова, думая каждый о своём, но нас объединяло одно: в судьбе каждого из нас Шолохов сыграл важнейшую роль.